

ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ В ФОРМАТАХ «ДИАЛОГА» И «ОБЩЕНИЯ»

В данной статье хотелось бы поделиться некоторыми соображениями методологического характера в связи с тематикой и формами проведения научно-просветительского семинара «Диалог культур в гуманитарном образовании: нормы, ценности, практики», проходившего в Одессе, в стенах гостеприимного Израильского культурного центра 11-13 июня 2012 года. Выбранный мною ракурс обсуждения касается проблемы искусства, с точки зрения его включенности в образовательные проекты, в частности, как это было представлено в вышеназванном семинаре. Здесь одной из самых необычных, вызвавших наиболее широкий и живой интерес у участников, явилась серия встреч-обсуждений, заявленная в программе как «Презентация проекта мультиидеологического образования». Ее лектором и модератором выступил доктор Ури Гершович, представляющий Еврейский университет Иерусалима. В первой встрече (определенным образом суммирующей материал, рассмотренный в ходе предыдущего семинара по иудаике), были сконцентрировано изложены мировоззренческие концепции иудаизма и христианства. В два последующих дня происходило чтение и обсуждение текста комедии Вильяма Шекспира «Венецианский купец» в направлении, заданном вступительной лекцией д-ра Ури Гершовича, т.е. сквозь контексты культур-религиозных представлений иудаизма и христианства.

Реализованная на семинаре работа над произведением Шекспира проявилась в демонстрации того, как могут в художественном тексте быть культурно-символически зашифрованы и, соответственно, вскрыты мировоззренческие, в широком смысле идеологические, основания и подтексты.

Фактически, общеметодологической платформой раскрытия этих смыслов явился многоплановый опыт, накопленный в русле герменевтики, рецептивной эстетики, применения «интертекстуального метода», или иначе интертекстуальных погружений произведения в разнообразные проекции всевозможных контекстов, способствующих более явственному звучанию текста в той или иной смысловой тональности. В данном случае такими «направляющи-

ми» контекстами выступали ценностно-культурные миры иудаизма и христианства.

Затем нужно было, подключая фантазию и элементы образного мышления последовательно представить ту или иную «культур-ориентированную» интерпретацию произведения, как если бы участники проекта были режиссерами-постановщиками и отчасти в духе «эпического» театра Бертольда Брехта думали о представлении драмы идей, высвечиваемой в пьесе то под одним, то под другим углом зрения.

Благодаря «Мастеру Игры» д-ру Ури Гершовичу, его эрудиции и компетентности в сфере библейской экзегезы, а также заинтересованному вовлечению в обсуждение участников семинара, понимание шекспировского произведения открылось в новых неожиданных гранях и смысловых поворотах. Это первый методологический момент, касающийся собственно раскрытия текста, о котором более детально скажу далее, характеризуя его с помощью понятий «интертекстуальность» и «диалог». Второй момент больше относится к аспекту понимания взаимодействия культур и определению общей ситуации на семинаре, возникшей в связи с обсуждением «Венецианского купца», и об этом необходимо говорить в связи с понятием «общение».

Итак, в качестве исходного текста была предложена комедия В. Шекспира «Венецианский купец». Прочтя перед этим ряд лекций, вводящих в иудейскую религию, историю и философию, д-р У. Гершович сумел увлечь аудиторию анализом культур-идеологических составляющих текста, что вскрыло удивительное множество не замечаемых ранее содержательных уровней шекспировского произведения.

Модератор проекта не углублялся в теоретико-методологические истоки своей позиции, но можно, на мой взгляд, в его интерпретаторском подходе видеть методологию интертекстуального подхода, в данном случае в той его разновидности, которая стремится к выявлению культур-мировоззренческих подтекстов произведения. В целом в методологии интертекстуального подхода, применяемого к интерпретации литературных произведений, можно говорить о двух тенденциях, обобщенно говоря, современной и постмодерной.

В первом случае современного (структуралистского) подхода анализ произведения сосредоточивается и в определенном смысле за-

мыкается на фигуре автора, стягивающей в своем художественном сознании существеннейшую модель его понимания. Поэтому варианты привлекаемых для интертекстуального «просвечивания» текстов должны быть исторически корректны, объективно доказуемы и в своем пределе ограничены. В случае постмодерной версии этого подхода контекст имеет определенный приоритет над текстом и его автором, и поскольку контекст потенциально безграничен, он доминирует над текстом и может поворачивать, «склонять» (образ-понятие У. Гершовича, тяготеющего, на мой взгляд, к этой линии интерпретирования) текст – вплоть до преувеличений и искажений – для большего обнаружения смысловой игры. В этом случае основное содержание анализа составляет борьба идеологий (в отличие от «модерной», например, структурно-семиотической, методологии, где текст и достоверность исторической подоплеки тех или иных его значений остаются главными критериями возможности допущения каких-либо смыслов).

Анализ произведения Шекспира, который осуществлялся на семинаре, можно было бы определить как интертекстуальный (по механизму его осуществления), культурологический (по содержательно-тематической направленности и наполненности интерпретаций) и диалогический (в данном случае в значении мультиидеологический).

Последнее определение возникло в связи с размышлениями о «диалоге», которыми поделился на семинаре в своей лекции Виктор Аронович Малахов. Обращаясь к этимологическим корням понятия, известный украинский философ отметил, что представление о диалоге мы нередко неверно сопрягаем со значением бинарности («ди»-два, однако здесь в корне «диа», что означает «через», «сквозь») и вытекающего отсюда значения согласия, гармоничности соединенных «логосов», что также не является справедливым. Напротив, диалог, согласно В. А. Малахову, раскрывает противостояние, различие автономных, других и иных по отношению друг к другу «логосов». Такое, уходящее корнями в Бахтинскую теорию диалогического романа Достоевского, определение диалога, на мой взгляд, очень ясно и четко проецировалось в ситуацию обнажения самостоятельных, несводимых друг к другу «логосов» и логик идео–логических систем иудейства и христианства, которые открывались во время обсуждения «Венецианского купца». Благодаря глубоким познаниям

в русле библейской экзегезы, подобно главному герою романа Г. Гессе «Игра в бисер», доктор Ури Гершович подводил нас к обнаружению смыслов, до этого имевших лишь поверхностные значения. Так, к примеру, художественный образ Шейлока, олицетворявший, идеологический контекст иудейства, постепенно раскрывался для нас во все большей глубине и значимости Другого. Художественной логикой настоятельно убеждая нас в необходимости принятия и уважения Другого, с его, отличными от моих взглядов, ценностями, правилами, образом жизни. Несмотря на индивидуальные различия восприятия и понимания произведения, в свете интерпретаций, идеологических «просвечиваний» или фильтров, которыми акцентировались те или иные части текста, все мы пришли к некоторым изначально неожиданным, но и очевидным для всех выводам. Один из них касался симпатии и сочувствия, которые практически все присутствующие испытали к «ростовщику Шейлоку», разглядев за привычными стереотипами поведения истину и глубину его позиции, верность своим идеалам и продиктованную этим последовательность поведения. В отношении героев, репрезентировавших христианскую доктрину, мнения разделились, однако, на мой взгляд, также неправомерно было бы говорить об их полной дискредитации и победе (хотя бы только моральной) Шейлока. Мне представляется, что предложенный анализ, основанный на многослойном чтении шекспировского текста показал значимость, наполненность, весомость идеологий как иудейства, так и христианства, но в то же время и их конечность, ограниченность. «Суха теория, мой друг, но зеленеет древо жизни...» (И. В. Гете). Религиозные конфессиональные разграничения, отраженные в «логиках» различных концепций, перед жизнью, отраженной гением Шекспира, оказываются все же некоторыми конечными концептами различных социальных групп, по-разному представляющих Бога. В отношении Шейлока мы увидели, что «на всякого мудреца довольно простоты», т.е. на самую изошренную, формально-логически безупречную хитрость, но связанную с посягательством на Жизнь, самым невероятным образом, чудом изыщется разоблачение и наказание, и в пьесе это происходит в связи с судом Порции, защищающей христианские позиции. В то же время, в последних сценах герои, воплощающие христианский мир, якобы дискредитируют себя и свои ценности. На мой взгляд, здесь искусство Шекспира демонстрирует уязвимость, возможность

дискредитации даже победившей в предшествующей, кульминационной сцене суда христианской «идеологии». И эта возможность опровержения и разоблачения в неправомерности появляется тогда, когда человек религиозный «дух» заключает в узко идеологические рамки и начинает манипулировать «буквой закона», или иными словами «фарисействует». Шекспир показывает нам, что как только мы замыкаемся в плоскости человеческих установлений, цепляемся за букву, закрываясь от надконфессиональной истины о том, что Бог есть Любовь, то становимся смешны и малоубедительны в каких угодно конфессиональных приверженностях и религиозных предпочтениях. И здесь мне представляется уместным обратиться к еще одному понятию, о котором размышлял в связи с толкованием диалога В. А. Малахов, это понятие «общение».

В общении, в отличие от диалога, участники не отстаивают своей самости и инаковости по отношению друг к другу. Общение предполагает не столько обмен, или спор, мнений, дискуссию «логосов», сколько эмоционально-чувственный контакт, единство, объединение поверх всех существующих различий. Общение, даже в том случае, если оно подразумевает некий обмен дискурсами, «логиками», не ставит их прояснение и концентрированное выражение во главу угла. В общении принципиальнее достижение, осуществление эмоционального контакта, ощущение близости, общности, человеческой теплоты, даже при допущении идеологических расхождений. В основе общения лежит готовность на основании Любви принять Другого в его инаковости, способность подняться над противостояниями и противоречиями, что, безусловно, в реалиях каждодневного существования часто оказывается несбыточным. И тем не менее, на мой взгляд, Шекспировское произведение раскрылось нам как диалог и как общение. Как диалог – в открывшемся смысле любви и уважения к Другому. Как общение – в откровении о том, что способность найти Истину реализуется в возможности приподняться над собой, над своим рацио и его всевозможными ухищрениями, в признании Любви, Милосердия, благоговения перед Жизнью высшими ценностями и мерилami наших поступков.

И еще о ситуации и смысле «общения» важно сказать и в другом отношении, а именно, характеризуя сам семинар, и вероятно, особенно ту его часть, которая была связана с «Венецианским купцом» (хотя это в равной степени относится и к определенным моментам

лекций Т. А. Чайки, В. А. Малахова, У. Гершовича). Семинар, несомненно, подарил радость диалога, поскольку мы могли познакомиться с различными взглядами, концепциями, представляемыми уважаемыми лекторами, а также другими участниками этого проекта. Но, кроме того, что значительно реже возникает в разного рода научных собраниях, здесь мы испытали и радость общения. Конечно, правомерно было бы говорить лишь от своего собственного имени, однако у меня создалось впечатление, что это стало общим ощущением и воодушевленным переживанием очень многих собравшихся. Это была радость общения, пусть и кратковременного, ограниченного; и тем не менее – осуществленного единения, открытости друг другу в поиске Истины, приобщении к откровениям искусства и жизни, являвшим нам бытийственность Любви.